

А. П. КАЖДАН

НИКИФОР ХРИСОВЕРГ И НИКОЛАЙ МЕСАРИТ

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Два малоизвестных византийских автора, живших на рубеже XII—XIII вв., Никифор Хрисоверг и Николай Месарит, оставили описание одного и того же события — мятежа Иоанна Комнина Толстого в 1201 г. Оба они были современниками мятежа, оба могли его непосредственно наблюдать, и тем не менее описания Хрисоверга и Месарита коренным образом отличаются друг от друга. Отличаются они не оценкой бунта и личности неудачливого узурпатора — оба писали после поражения Иоанна и оба прославляли победителя, легитимного государя Алексея III Ангела (1195—1203). Различие обнаруживается в иной плоскости — в методе, в манере повествования, в эстетических принципах.

Подобное различие подводит исследователя к существенной проблеме, на которую, как мне представляется, пока еще мы не обращали должного внимания — к проблеме многообразия византийской литературы и, если ставить вопрос шире, многообразия византийского мировосприятия. Возможность различного решения одной задачи под пером двух современников и очевидцев предполагает наличие разных литературных группировок в Византии, наличие — по крайней мере скрытой — литературной полемики. Утвердившееся суждение об удивительной унифицированности византийского образа мысли, искусственная модель византизма — единообразного и неподвижного способа мышления подданных Константинопольской империи — ставится тем самым под сомнение.

Но констатировать подобное разноречие — это лишь одна сторона задачи. Сколь она ни важна, проблема ею не исчерпывается. Напротив, сама эта констатация заставляет сделать следующий шаг и задаться вопросом о причинных связях. Действительно, коль скоро Хрисоверг и Месарит могли по-разному подойти к описанию одного и того же события, не следует ли задуматься о причинах этого различия? Повторяю, речь идет не о различии политических симпатий, что могло бы быть объяснено принадлежностью к разным «этериям», к разным кликам господствующего класса, а о различии, гораздо менее непосредственном и гораздо более глубоком, — различии видения мира. Восхвалять или поносить Андроника Комнина было делом свободного выбора, который мог явиться результатом искренних политических симпатий или формой политической мимикрии; один и тот же писатель мог сегодня восхвалять Андроника, а завтра издеваться над низвергнутым тираном. Метод отображения действительности гораздо меньше поддается произвольным